

Коллектив авторов

**Маяк современного просвещения и
образованности**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Маяк современного просвещения и образованности: Часть 1 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 207 с.

ISBN 978-5-517-93298-3

Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. - «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») - литературно-политический журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1840 1845, ежемесячно. Издатели В.И. Поляков, с середины 1840 - П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, затем Ю. А. Юнг-мейстер. Редакторы - П.А. Корсаков и С. А. Бурачек, с 1842 - С.А. Бурачек. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1840 года

ISBN 978-5-517-93298-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рыхъ пользуется и самый зоологъ, хотя и безъ сознанія, потому только, что истинны, для открытія которыхъ требовались Эйлеровскія силы въ Анализѣ, пушены въ ходъ, и усвоены ремесленностью.

Но въ свою очередь и Геометръ, чувствуя свою слабость въ царствѣ зоолога, боится уронить себя, съ одной стороны а съ другой, необнимая однимъ взглядомъ всей полноты и цѣны того знанія, не можетъ, по общей всѣмъ слабости, не счесть его за ничто въ сравненіи съ своимъ огромнымъ знаніемъ. — Точно тоже и обо всѣхъ.

И такъ весь секретъ заключается въ томъ, что кто совсѣмъ не знаетъ чужой науки тотъ по совѣсти считаетъ ее за ничто; кто знаетъ только десятую, двадцатую часть ея объема, тотъ и придаетъ ей важность десятой, двадцатой величины, а свою онъ видитъ всю, и это все подавляетъ всѣ чужія видимыя ему капельки знанія. Каждый дѣлаетъ относительное, а не абсолютное сравненіе чужихъ наукъ съ своею.

Но какъ математикъ, зоологъ, архитекторъ, химикъ, богословъ, поэтъ, романистъ — люди одной формациі, хотя разныхъ конструкцій, — каждый до глубины существа убѣжденъ въ важности, цѣнѣ и пользѣ своей науки или искусства, готовъ написать объ этомъ цѣлые томы, стало быть, абсолютно всѣ онъ почти равно важны, равноцѣнны, равнополезны.

А что еще удивительнѣе: ученый съ удовольствіемъ сидитъ въ спектаклѣ, читаетъ повѣсть, заучиваетъ стихи. Загляните въ его домашній бытъ, вы раскроете въ его сердцѣ и поступкахъ всѣ прелести изящнаго и поэзій, но чуть заговорите ему о важности и цѣнѣ спектакля, повѣсти, стиховъ — чуть захотите повести ихъ въ параллель его учености, онъ тотчасъ, если и не скажетъ, то наведетъ на то, что спектакль — гаерство, повѣсть, стихи, балаганъ, прогулки, — равновѣсныя средства развлеченія, въ которыхъ ученый позволяетъ себѣ иногда отдыхать; но никогда не унизятъ себя до упражне-

нія въ нихъ, а тѣмъ менѣе — не сдѣлаетъ изъ нихъ себѣ ремесла.

Въ тоже время даровитый литераторъ волшебнымъ перомъ двигая сердцами и умами ученаго и не ученаго, приводя ихъ по своей волѣ въ слезы, въ ужасъ, въ смѣхъ, двигая и увлекая всѣхъ, смотря по качеству своего сердца, въ добро и зло, окруженный безмолвными слушателями, оглушенный ихъ рукоплесканіями, онъ говоритъ математику — что мнѣ въ твоихъ формулахъ? — мучься, если хочешь: результаты твои и безъ тебя дойдутъ ко мнѣ, я ими воспользуюсь, чтобы надъ тобой же господствовать; тоже онъ говоритъ зоологу, химику, архитектору: — Трудяги! высиживайте себѣ чахотку, а я живу, и оживляю васъ и всѣхъ, кто приближается ко мнѣ. Сосчитайте моихъ читателей и почитателей — имъ нѣтъ числа; въ томъ числѣ и вы — а у васъ? — сотни двѣ во всей имперіи, во всей Европѣ! Я благотворю всѣмъ и вамъ, а вы? . . . »

Вотъ что всего, повторяю, удивительнѣе: — это обоюдная несознательность!

Ученый не сознаетъ, какъ усвоиваетъ себѣ не замѣтно дары и благодѣянія словесности, если и не изученіемъ, то непремѣнно навывкомъ, обращеніемъ съ ней.

Ежели въ его твореніяхъ есть тепло, движеніе, изящная форма, выпуклость, слогъ и жизнь — то все это дары литературы; а принимая дары, за что же презирать дателя? — и тогда, какъ онъ можетъ еще больше дать?

Литераторъ не сознаетъ, что вся его сила, вся его власть добывается не однимъ путемъ сердца, но и путемъ ума. Чтобы поразить, овладѣть разнородными умами, нужны разнородные, яркіе лучи свѣта, а эти лучи пробиваются изъ труденическихъ лабораторій и кабинетовъ ученыхъ, добываются цѣною жизни и здоровья, сообщаются безвозмездно.

Спустимся еще на нѣсколько ступенекъ въ глубь, проникнемъ частныя самолюбія, — въ жертву истинѣ! начнемъ съ литераторовъ. Отчего, говоря вооб-

ше — исключенія въ сторону — званіе литератора, въ самомъ дѣлѣ, такъ не много уважается въ кругу ученыхъ. Не станемъ заглядывать во Францію, Англію, Европу — тамъ едва ли не хуже нашего; по крайней мѣрѣ ежечасныя злоупотребленія свободы тисненія, плачевнымъ образомъ грязнятъ и унижаютъ литературу; — какая у насъ причина того упадка литературы, на который безпрестанно и справедливо жалуются наши журналы и газеты? — Причина, кажется намъ въ страшномъ упадкѣ кредита на учепость литераторовъ. — Ей, ей такъ; хоть къ присягѣ! — не погнѣвайтесь, молодые литераторы. Мы искренно отстраняемъ сей упрекъ отъ тѣхъ ученыхъ, почтенныхъ и заслуженныхъ писателей, — и весьма не многихъ изъ молодыхъ — которые уступая свое поприще другимъ, изрѣдка возвышаютъ свой голосъ на литературномъ поприщѣ; и гласъ ихъ — гласъ вопіющаго въ пустынь! Оглянемтесь, м. г. ла прошлыя лѣта нашего ученичества, какъ мы проводили его въ пенсіонѣ, гимназій, университетѣ, въ корпусѣ? — почувствовавъ вкусъ къ чтенію легкихъ книгъ, мы приняли его за призваніе къ подвигу литератора; все головоломное — въ сторону: давай намъ Пушкина, Валтеръ-Скота, Бальзака! Къ чему намъ богословіе, математика, физика, химія, механика; филологія, естественныя науки.... надо изучать природу въ прогулкахъ по крестовскому, человѣка — въ театрѣ, жепщину — въ гостинной и будуарѣ, самихъ себя мы знаемъ какъ свои пальцы. Ну, еще исторію можно прочесть, а реторика, логика, эстетика, грамматика — къ чему онѣ, за чѣмъ эти оковы на геній? Вдохновеніе — вотъ правило и законъ литератора: Посмотрите-ка на наше творчество, когда свобода, вдохновеніе и мечта, раскроютъ намъ завѣтныя тайны природы и человѣка! — Скорѣе въ печать: вотъ вамъ, читайте: приходите въ восторгъ, лейте слезы радости и умиленія!»

И впрямъ приходится лить слезы надъ плачевнымъ состояніемъ вдохновенной

литературы «мечтъ.» Возьмемъ ли повѣсть изъ этого разряда, что вы въ ней найдете? рассказъ хорошъ: нынче кто не умѣетъ рассказывать. Но что рассказываютъ? Каковы элементы содержанія, плана? — Происшествіе болѣе или менѣе въроятное, страшное, плачевное, смѣшное, соблазнительное, — или все это вмѣстѣ, — случившееся съ Иваномъ да Марьей. Есть тутъ страсти, самыя драматическія; характеры, самыя исполнскія — вершковъ въ 14, есть завязка и развязка, и подпись автора. Въ иной найдете слогъ Марлинскаго, слогъ барона Брамбеуса, Полеваго, Греча, Булгарина, — Основьяненка, Гоголя и пр. и пр. а чаще и слога не найдете; не найдете ни общей идеи, ни цѣли. Читашь, читаешь да и спросишь: ну, что же намъ за дѣло, что это приключеніе случилось съ Иваномъ, — что человечество выиграла узнавъ о немъ, и чтобы оно потеряло не слыхавъ о немъ? — и тамъ, и здѣсь — ровно ничего; а такъ, изволите видѣть, вы прочли на досугъ, убили нѣсколько часовъ, и пошли себѣ — искать приключеній. Возьмемъ ли стихи? — Нѣтъ, лучше не возьмемъ ихъ. Романъ? — о! да, романъ, это довольно толстая вещь. Много въ немъ буквъ, много всякой ужаси, сильныхъ ощущеній, читается, прочтется и — только!

— Чего же вы хотите?

— Мы хотѣли бы, милостивые государи, въ вашихъ стихахъ, повѣстяхъ, романахъ видѣть человѣка, а не Ивана, да Марью, хотѣли бы видѣть природу съ ея тайнами и дарами, а не Крестовскій островъ, или Парголово, хотѣли бы видѣть связь вашихъ романическихъ приключеній съ вѣтшимъ и вѣтшимъ состояніемъ нашего общества, нашего отечества, его философій, учепостью, повѣрьями, заблужденіями. — Однимъ словомъ, мы хотимъ, мы требуемъ, чтобы вашъ стихъ, ваша повѣсть, драма, романъ сдѣлали насъ, по прочтеніи ихъ *лучшими*: умомъ, сердцемъ и волей; а вы, не погнѣвайтесь только подразнили

любопытство, пожуждали въ ухахъ, помутили воображеніе. Мой человекъ, мое я—не слышали васъ. Будетъ еще случай поговорить намъ объ этомъ пояснѣе и побольше, а теперь скажемъ, что общепризнанный нынѣшній упадокъ литературы произошелъ именно оттого, что все юное поколѣніе, начитавшееся стиховъ и романовъ, пустилось ватагою воспроизводить тѣже самые стихи и романы, безъ напутствія плодотворной учености, здравой философій, безъ религій и опытности житейской, и безъ всякаго труда. И какъ большинство такихъ писателей завладѣло всѣми типографіями и всѣми полками въ книжныхъ лавкахъ, то какъ же вы хотите, чтобы люди, сердечно, безкорыстно, съ любовію преданные изученію природы, человека и общества, какъ же вы хотите, чтобы люди истинно ученые, глядя на такихъ представителей литературы, какъ вы, уважали представляемое, когда они не видятъ ни слѣдовъ тѣхъ истинъ, ни помину тѣхъ міровыхъ результатовъ, вѣковыхъ изысканій, которые куплены такъ дорого, и предложены вамъ такъ радушно, когда и самихъ слѣдовъ труда, труда столько для нихъ цѣннаго и столько же и для васъ необходимаго, они не находятъ въ вашихъ двадцатидневныхъ скороспѣлкахъ.

Но злоупотребленіе вещей не отнимаетъ цѣны и должнаго уваженія у самихъ вещей. Литература — сама собой, литераторы — сами по себѣ: виновато не поле, а пахарь, и не всѣ пахари виноваты. Набросавъ хоть легкіе, но вѣрные очерки злоупотребленій литературы, и причины низкаго ея курса и кредита въ кругу ученыхъ, мы, по справедливости, получили право поискать своего рода злоупотребленій въ странѣ учености, и раскрыть причины, по которымъ въ свою очередь, такъ низокъ курсъ и кредитъ ея на литературномъ рынкѣ, на которомъ, — не мѣшаетъ мимоходомъ сказать — 9999 долей всего человѣчества, производятъ куплю и мѣну идей, наслажденій, образованности, и провозведенія времени, тогда какъ

только $\frac{1}{10,000}$ ежели не $\frac{1}{1,000,000}$ посвятили себя уединенію лабораторій, архива, кабинета.

Первое и самое главное злоупотребленіе, это — Вавилонское смѣшеніе ученыхъ языковъ. Ученая номенклатура необходима въ каждый наукъ, безспорно. Но языкъ, но построеніе фразъ, но значеніе словъ обыкновенныхъ или общихъ всѣмъ наукамъ, должны быть одни и тѣже; а что мы видимъ?—въ одной и той же наукѣ, что авторъ, то новый языкъ: слова и термины тѣже, а смыслъ ихъ часто противоположный.

Умышленный недостатокъ снисхожденія къ читателямъ малорослымъ. Бѣдныя должны палиться на цыпочкахъ, задираютъ голову къ зениту, чтобы слѣдить за полетомъ учености подъ облаками. Не естественное положеніе—не прочпо: устанутъ, опустятся на землю, и по неволѣ начнутъ валяться на травѣ, по песку, а при оказіи—и въ грязи. «Пропaday недоступная ученость! во вѣки не заманишь.»

Отсутствіе родственной связи, даже между смѣжными науками, тогда какъ всѣ науки близка между собой родня; потому что изучаютъ или природу или человека или общество; а эти три такъ близки, такъ тѣсны между собой, что именно составляютъ одно. Между науками этого нѣтъ. Познакомься съ одной, другую встрѣчаешь какъ незнакомку.

Изложеніе. Большая часть ученыхъ — исключенія въ сторону — имѣютъ въ виду только своихъ собратій, читателей ученыхъ, дорожатъ только ихъ судомъ; а тѣ и непонятное поймутъ, въ какой бы формѣ изложено ни было, потому что сами готовы открыть, изобрѣсть, доказать то, что имъ сообщаютъ. Если и не презируютъ они, то ужъ вовсе не думаютъ о нашей брати, профанахъ. Но въ числѣ этихъ профановъ есть много умовъ свѣтлыхъ, жаждущихъ познаній, но избалованныхъ образованностью, для которыхъ сапогъ, люстра, и книга должны быть предложены въ формахъ самыхъ изящныхъ, стройныхъ, хотя и простыхъ; ина-

че они и не остановятся на нихъ. Просвѣщенный вкусъ, пріятная, выразительная манера, чистый, ясный, даже увлекательный слогъ, расположеніе предметовъ въ такомъ свѣтъ, чтобъ они сами выступали изъ книги въ голову этихъ требованій не уступать они за самыя горы учености, небрежно, безъ вкуса одѣтой. Требования дѣтскія, согласны: но этихъ дѣтей 9999 долей человечества. А развѣ не для человечества вы трудитесь?

До сихъ поръ все это только злоупотребленія по поверхности ученой. Но есть они и по *внутренности*: и первое — застой въ капитальныхъ ученыхъ работахъ. Мы говоримъ только о томъ, что у насъ дѣлается въ Россіи. Возьмемъ списокъ хорошихъ литераторовъ. Безъ преувеличенія, ученыхъ, ex officio, — не считая ученыхъ сои amoге, у насъ въ двадцать, если не въ пятьдесятъ разъ больше чѣмъ литераторовъ. Но возьмемъ библиографическія списки хорошихъ сочиненій ученыхъ и литературныхъ: съ изумленіемъ увидимъ, что ученыхъ едва ли не десятая часть, да и въ этой десятой части $\frac{9}{10}$ составляютъ переводы и компіліція, болѣе или менѣе удачныя, и развѣ $\frac{1}{10}$ ученыхъ произведеній, которыми Россія можетъ гордиться. Короче, дѣятельность ученая въ капитальныхъ произведеніяхъ далеко отстала отъ дѣятельности литературной. Впрочемъ и не удивительно: литературное произведеніе берутъ на расхватъ, а ученое, не говоримъ, вознаграждаетъ за трудъ, рѣдко — рѣдко, окупаетъ матеріальныя издержки. Но если у насъ такъ бѣденъ сбытъ ученыхъ произведеній, что нѣтъ возможности бросать на нихъ и время и достояніе свое, то въ этомъ, да не погрѣваются, виновата сама ученость. Ниже увидимъ.

Что касается до ученыхъ работъ въ отдѣльныхъ мемуарахъ, то наша Академія Наукъ, число членовъ которой не составляетъ и сотой доли всего числа ученыхъ въ Россіи, едва ли не въ десять разъ болѣе работаетъ противу остальной массы уче-

ныхъ. Каждый Академическій мемуаръ есть непременно новое открытіе, новый шагъ впередъ или, въ самой малой мѣрѣ, развитіе прежнихъ вопросовъ съ новыхъ сторонъ, новымъ приѣмомъ, съ упрощеніемъ дѣла; тогда какъ — за исключеніемъ весьма не многихъ — большая часть мемуаровъ остальныхъ ученыхъ: или рѣчи на годовыхъ актахъ, или округленная интересная лекція, или переводъ мемуаровъ и трудовъ иностранныхъ ученыхъ, рассказанный *своими* словами или, наконецъ, диссертациі на степень магистра, доктора. Для многихъ этимъ и оканчивается поприще ученой работы. Нельзя отрицать: существенная добыча для наукъ, попадаетъ и тутъ, но очень мало, и совсѣмъ не пропорціонально числу ученыхъ. Застой!

Быстро возбудились были признаки ученой жизни изданіемъ Энциклопедическаго Лексикона; но утѣрированная популярность, преобладаніе одного историзма въ изложеніи наукъ; изгнаніе чистой учености — дидактизма, доставили, правда, нѣсколько работъ нѣсколькимъ изъ Петербургскихъ ученыхъ; но науки не могли много выиграть; вниманіе и досуги ученыхъ были развлечены работою срочною, неблагоприятною, для которой требовалось много чтенія, справокъ, выписокъ историческихъ: напр. для справки когда открытъ законъ всеобщаго тяготѣнія, 14 Ноября или 12 Іюля, въ какомъ году, при какихъ обстоятельствахъ; по какому поводу? — дѣло второстепенное для чистыхъ розысканій учености. Имѣемъ право сказать, что движеніе происходившее во время изданія Энцикл. Лексикона, хоти и отзывалось ученою жизнью, но большою частію это былъ призракъ жизни — чернорабочія, коммилаторскія хлопоты, конечно весьма полезныя для литературной публики, но только съ одной стороны.

Вообще дѣло о нашей учености такъ важно для пользы и чести и нашего отечества, что мы, при извѣданной страсти

нашей, превозноситься всѣмъ хорошимъ Русскимъ и умалчивать о томъ, о чемъ можно умолчать не вводя другихъ во вредный обманъ, на этотъ разъ отлагаемъ приторный патриотизмъ, заставляемъ вмѣсто себя говорить факты и обстоятельства. У насъ *ученый застой*. Это и вездѣ такъ; но до другихъ намъ дѣла нѣтъ: тамъ свои причины, у насъ свои. Знаемъ, что это мѣсто самое чувствительное, потому что больное; однако излеченіе болѣзни не начнется, пока ея симптомы не выгнаны наружу; хотя для приступа къ излеченію, слегка коснемся больного мѣста. Безъ осмотра, нечего и думать о лѣкарствахъ.

И такъ—застой, несвареніе, паралитическое состояніе! отчего? Первая причина — недостатокъ мотіона; потомъ недостатокъ вкусной, сочной, приманивающей пищи; а недостатокъ пищи оттого, что нѣтъ рынка, нѣтъ сбыта, соперничества, никто не хочетъ и не можетъ производить куплю и мѣну въ накладъ. Объяснимся по-откровеннѣе.

Заглянемъ въ училища, Гимназіи, Университеты, Институты—не только профессора, даже рядовые учителя, почти во всѣхъ предметахъ — исключеній не много — до страсти любятъ читать лекціи по своимъ запискамъ. Г. г. преподаватели, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, мало заботятся объ учебникахъ: каждый боится выйти въ свѣтъ съ своими записками, зная ихъ неполноту, и несовершенство—почему бы не дополнить, не усовершенствовать? — отвѣтъ ниже. Почти нѣтъ удовлетворительныхъ руководствъ, — которые же вышли, за тѣ—хвала правительству! — Но сколько есть и такихъ, которые поцѣлымъ десяткамъ лѣтъ перепечатываются съ перемѣной только заглавныхъ листовъ и опечатокъ; а науки идутъ себѣ впередъ. Ученикъ слушаетъ хорошаго профессора, готовъ полюбить ученую работу, но работа матеріальная выводитъ его изъ силъ: онъ успѣваетъ въ половину; вся его цѣль—экзаменъ и аттестатъ; выходить изъ училища: тамъ служба, разсѣяніе — смена

не глубоко посвященныя топчутся прохожими впечатлѣніями жизни, посѣвъ заглушается, учиться на дѣйствительной работѣ — поздно, особенно когда искра безкорыстной любви къ ученымъ занятіямъ не раздута, примѣрами, въ огонь—еще въ юношескихъ лѣтахъ. Молодой человекъ, чуть не-много даровитый, скорѣе избретъ путь литературы, чѣмъ учености—потому что тамъ больше рынковъ, больше сбыта, случаевъ къ отличію, къ извѣстности, къ прибыльной работѣ. Но по жалкому предубѣжденію, большая часть молодыхъ людей уклоняется отъ ученія въ «сухихъ наукахъ» — каждый въ частности — помимо необходимыхъ исключеній, — остается или ученымъ калекою или представителемъ современныя литературы. Если же избранный изъ сотни соучениковъ, дѣйствительно пристрастится къ наукамъ, то имѣя въ виду единственный карьеръ — учительское или профессорское званіе, онъ готовитъ себя столько, сколько нужно чтобы получить и проходить то званіе. О жертвахъ учености тутъ и рѣчи нѣтъ; о плодахъ учености — и подавно.

Далѣе, все просвѣщеніе народное лежитъ у насъ на попеченіяхъ и собственныхъ издержкахъ правительства. Оно ничто не щадитъ, съ своей стороны все дѣлаетъ: оно совершенно обезпечило содержаніе ученыхъ и профессоровъ. Кромѣ занятія кафедръ, они имѣютъ еще и другія служебныя обязанности, нельзя не принять на видъ и обязанностей семейныхъ, а сверхъ того, по причинѣ обширныхъ и безпрестанныхъ требованій на *обученіе*, не имѣютъ возможности уклоняться отъ постороннихъ уроковъ. Эти уроки вмѣстѣ съ кореннымъ содержаніемъ доставляютъ больше нежели довольство, — даже средства наслаждаться жизнью; но за то поглощаютъ и остатки досуговъ. Будьте, человеколюбивы, согласитесь: надо имѣть Эйлеровскую любовь къ наукѣ и его самоотверженіе, чтобы отказаться отъ необходимыхъ выгодъ, покупаемыхъ цѣною времени, или сохраняя ихъ — крохи времени,

остающіяся отъ учебныхъ, служебныхъ, семейныхъ занятій для отдыха, посвящать тяжкимъ трудамъ и разысканіямъ, когда все призываетъ къ покою и удовольствію. Теперь легко уже выйти на большую дорогу.

Пока ученая жизнь наша будетъ зависѣть отъ однихъ официальныхъ ученыхъ, до тѣхъ поръ нечего и думать о плодородіи и богатой жатвѣ. Надо пробудить любовь къ серьезной учености въ публикѣ, надо чтобъ люди, не знающіе куда дѣваться съ досугомъ и достаткомъ, посвятили то и другое наукамъ; а для этого, надобно завлечь ихъ, дѣйствовать на ихъ утонченный вкусъ, на привычку ко всему изящному, по крайнѣй мѣрѣ въ началѣ. Коротче, припоминая все до сихъ поръ сказанное о литературѣ и учености, согласимся, что совершенно необходимо сочетать ученость и словесность самымъ тѣснымъ, законнымъ союзомъ. Только отъ этого союза можно ожидать вкусныхъ и питательныхъ плодовъ. Мужская сила свѣта и господство надъ умами черезъ убѣжденіе — принадлежитъ наукамъ; женская прелесть увлеченія ума струнами сердца — удѣлъ словесности. Та — положительный полюсъ, эта — отрицательный. Никогда одинъ изъ нихъ не сдѣлается другимъ, никогда они не будутъ одно, но всегда должны быть на одномъ магнитѣ. Это цинковая и мѣдная пластинки: соедините ихъ проволокой, и вы получите токъ, движеніе, свѣтъ, огонь и жизнь; а порознь, они просто: хриплый цинкъ и мѣдъ звѣнящая.

Конечно, наше время ушло: поздно уже намъ передѣлывать себя, но не поздно подумать объ участи юнаго поколѣнія. Выйдемъ для него хотя на шагъ изъ нашего ученаго уединенія, изолированія; уйдемъ отъ безцѣльнаго скоморошества въ литературу, выберемъ между ними простую, мудрую середину — чему прекрасный примѣръ видимъ уже на многихъ изъ нашихъ первостепенныхъ ученыхъ, и литераторовъ, иможесть быть еще болѣе увидимъ въ нашихъ листахъ — и посмотримъ, какъ

мы этой книгою предполагаемъ хотя нѣсколько приблизиться къ возможному рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, до сихъ поръ намъ представлявшихся, особливо вопроса о томъ, какъ возбудить не поддѣльную ученую жизнь и дѣятельность.

Мы уже объявили, что это собраніе трудовъ ученыхъ и литературныхъ, будетъ выходить безрочно частями; каждая книжка разбивается на пять главъ неравныхъ по объему а иногда и менѣе пяти, какъ удастся. I. глава, Науки. II. Словесность. III. Матеріалы для словесности. IV. Критика. V. Неорама и смѣсь.

ГЛАВА I.

Н А У К И.

Ни кто не будетъ спорить, что еслибъ мы рѣшились просто собирать ученые статьи, какія угодно будетъ доставлять въ редакцію нашимъ Г. г. Академикамъ и ученымъ, и какія можно извлечь изъ иностранныхъ ученыхъ журналовъ и книгъ, то и такой сборникъ своимъ послѣдовательнымъ появленіемъ, сообщитъ много полезныхъ свѣдѣній читателямъ; и будетъ изданіемъ, котораго намъ недоставало, и о которомъ не первые мы задумали; оно рано или поздно, возбудитъ у насъ ученую дѣятельность и жизнь, больше или меньше, непременно.

Но это не самый кратчайшій путь къ данной цѣли. Много путей. Одинъ изъ нихъ, по нашему крайнему разумѣнію, короче и глаже другихъ. Мы сейчасъ его покажемъ, предваря всѣхъ, кому угодно будетъ сдѣлать намъ честь сообщать свои труды для помѣщенія въ нашу книгу, что если система нами избранная, покажется имъ, столько же какъ и намъ, удовлетворительною, то, надѣмся никто не остановится и содѣйствовать общими силами достиженію благой и чистой цѣли; и, содержаніемъ, планомъ, изложеніемъ, духомъ, тономъ, вкусомъ, формою — если можно, и слогомъ — статей, не поставитъ

себѣ въ трудѣ сообразоваться съ системой книги, въ такомъ только случаѣ, повторяемъ, если эта система покажется имъ удовлетворительною.

Если же кому система наша покажется не удовлетворительною, тотъ безъ сомнѣнія, увидитъ въ ней недостатки, легко придумаетъ поправки, или предложить совсѣмъ новый, болѣе выгодный путь. Мы первые покоримся ему съ величайшею благодарностью, употребимъ всю возможную намъ силу убѣжденія, чтобъ и другихъ склонить къ принятію; и всякой разъ, что опытность и обстоятельства укажутъ намъ полезныя перемѣны, мы всегда будемъ готовы промѣнять старое на новое, лучшее. Во всякомъ случаѣ, процессъ измѣненія системы будетъ производиться печатно въ этой же книгѣ, чтобъ всѣ могли слышать, знать, судить и потомъ соображаться, кому угодно. Впрочемъ мы предлагаемъ, но не навязываемъ систему, и не для того, чтобы стѣснять или учить кого бы ни было — избави Богъ. Кому она и покажется хорошою, но не удобною въ исполненіи лично для него, тотъ, столько же какъ и всѣ, пользуется полною свободою писать то и такъ, что и какъ ему угодно. Терпимость и глубокое уваженіе къ чужимъ трудамъ и образу мыслей, неприкосновенность ихъ — девизъ нашей книги. Мы будемъ все помѣщать, но да простятъ за нашу искренность, — любимыя статьи наши будутъ тѣ, которыя напишутся сообразно системѣ, принятой большинствомъ, для вѣрнѣйшаго достиженія указанной цѣли; и при томъ возмездіе за эти любимыя статьи всегда будетъ гораздо выше противъ возмездія за статьи обыкновенныя.

Есть большое различіе въ словахъ: свѣдѣніе, знаніе, наука. *Свѣдѣніемъ* мы называемъ одинъ или нѣсколько фактовъ, которыя вмѣстѣ образуютъ показаніе о какомъ нибудь произшествіи, явленіи и проч. вообще, *матеріалы* необработанные. *Знаніемъ* мы называемъ рядъ свѣдѣній, матеріаловъ, относящихся къ сферѣ одного или нѣсколькихъ однородныхъ и сложныхъ предметовъ, приведенный въ какой нибудь

порядокъ, систему. *Наука*, посредствомъ знаній и свѣдѣній, изъ частныхъ явленій выводитъ общіе законы, а черезъ эти законы раскрываетъ всѣ обстоятельства другихъ явленій, рѣшаетъ вопросы относящіеся къ ея предмету: , *по данному находитъ искомое*. И такъ :

Содержаніе статей.

Можно сообщать въ статьяхъ полезныя, любопытныя, новыя свѣдѣнія, *матеріалы*. Это самый низкій, *третій* сортъ статей.

Гораздо лучше посвящать статьи отдѣльнымъ *знаніямъ*, элементамъ науки. Это статьи *второго* разбора.

Всего лучше излагать всѣ элементы науки въ общей связи, показывая ихъ подчиненность общимъ законамъ, прилагая эти законы къ развитію всѣхъ обстоятельствъ частныхъ явленій, къ рѣшенію частныхъ вопросовъ. Это статьи *перваго* разбора.

Не всѣ элементы, и не во всѣхъ наукахъ разработаны окончательно, даже какъ отдѣльныя *знанія*. Есть науки, въ которыхъ разработка нѣкоторыхъ элементовъ едва лишь начата, о законахъ общихъ, и рѣшеніи вопросовъ, нѣтъ и рѣчи. Эти науки не вышли еще изъ подъ фирмы *знаній*, а нѣкоторыя до сихъ поръ стоятъ при одномъ наборѣ свѣдѣній, *матеріаловъ*, такова Статистика, всѣ Экономіи, юриспруденція, вся медицина, исторія, физика, и проч. Есть науки, въ которыхъ разработка элементовъ доведена до высокаго совершенства, элементы подведены подъ законы, частныя рѣшенія получаемыя изъ общихъ законовъ, совершенно согласуются съ природою вещей — практикою. Таковы Богословіе, математика, астрономія.

И такъ дѣло величайшей важности, выставить всѣ пробѣлы, всѣ слабыя мѣста какъ въ цѣлыхъ *наукахъ*, такъ и въ отдѣльныхъ элементахъ — *знаніяхъ*, происходящихъ отъ недостатка въ *свѣдѣніяхъ*, матеріалахъ. Для наполненія тѣхъ

проблѣвъ, для укрѣпленія тѣхъ слабыхъ мѣстъ, для замѣны недостатковъ избыткомъ фактовъ, потребно общее, дружное содѣйствіе сотни умовъ и рукъ ученыхъ, а чтобъ ихъ призвать, надобно сперва предъявить работу;. Что каждому по силамъ, за то и возьмутся.

Не каждый изъ ученыхъ ясно обнимаетъ, не только истинный, даже видимый горизонтъ своей науки. Легко случится, что иные, при обширныхъ свѣдѣніяхъ, не знаютъ, гдѣ и чего не достаётъ, и потому не ищутъ и не работаютъ тамъ; только зоркіе, глубоко — опытные умы, усвоившіе себѣ философію, природу своей науки, яснымъ сознаніемъ или ученымъ инстинктомъ, узнаютъ, что можно миновать, и куда прежде надобно спѣшить; точно такъ — мы приведемъ простой примѣръ — вѣдущему изъ Петербурга въ Москву необходимо знать, нужно ли заѣзжать въ Шлиссельбургъ, или оставить его въ сторонѣ. Каждая наука имѣетъ свою Мисію — свою цѣль, и не должна терять время на разбѣды по распутіямъ Шлиссельбурговъ.

И такъ послѣ статей перваго разбора, самыя драгоценныя статьи будутъ послѣднія, а еще лучше когда обѣ соединятся вмѣстѣ. Тѣ и другія принадлежатъ къ *первому* разбору. Посредствомъ тѣхъ и другихъ каждому читателю представится полный и ясный очеркъ, вокаль, если не самая картина науки. Мы усерднѣе, и прежде всего вымыслимъ г. г. ученыхъ по всѣмъ возможнымъ наукамъ, на этотъ капитальный трудъ. Кроме того, что такимъ порядкомъ статей наша книга будетъ глубже и глубже входить внутрь природы, чело-*вѣка* и общества. Эти капитальныя очерки наукъ послужатъ наилучшею, самою вѣрною програмою какъ для учебниковъ, такъ и для полныхъ трактатовъ о наукѣ.

Послѣ удовлетворенія по какой либо наукѣ статьями перваго разбора, послѣдуетъ естественно разработка ее статьями втораго т. е. разработка отдѣльных элементовъ — *знаній*. Что же касается до

статей третьяго разбора, до *матеріаловъ, свѣдѣній, фактовъ*, то они съ самаго начала могутъ помѣщаться въ главу матеріаловъ; и хотя здѣсь гораздо меньше условій, и больше произвола, со всѣмъ тѣмъ можно и здѣсь наблюдать своего рода порядокъ, систему: редакторы съ своей стороны не упустятъ сдѣлать что съумѣютъ; но и авторы статей весьма много помогутъ уразумѣнію и стало быть интересу ихъ, если заблаговременно или рядомъ съ капитальными своими статьями, будутъ доставлять тѣ *свѣдѣнія* и *матеріалы*, которыя, при удѣльной ихъ необходимости и интересѣ, тотчасъ же или вскорѣ понадобятся для ссылки.

Вотъ начало нашей системы. Само собою разумѣется, что мы не смѣемъ и просить и ожидать, чтобы г. г. ученые и литераторы, прямо, съ первыхъ же книжекъ рѣшились содѣйствовать къ достиженію общаго цѣли, именно по этой системѣ. Она потребуетъ и времени, и труда и размышленія. Мы предложили только мысли, а не настоятельныя требованія о планѣ нашей книги, исполненія котораго, рано или поздно, непременно дождемся, при общемъ содѣйствіи благонамѣренныхъ и даровитыхъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ. На первый разъ мы будемъ признательны за все, что намъ сообщать.

Мы здѣсь предложили только начало нашихъ мыслей о системѣ нашей книги. Въ послѣдствіи, когда увидимъ живую готовность содѣйствовать намъ въ этомъ важномъ трудѣ, не преминемъ предложить и дальнѣйшія наши мысли о возможности *сблизить, упростить, породнить* всѣ науки и искусства, и тѣмъ облегчить изученіе ихъ, и удесятерить ихъ чистую пользу для благосостоянія обществъ.

Изложеніе отатой.

Такъ какъ цѣль нашей книги есть разбудить ученую дѣятельность не только между людьми собственно учеными, но и

въ кругу образованныхъ людей, и распространить въ публикѣ наибольшую возможную массу капитальныхъ познаній, то гдѣ можно, самое изложеніе статей должно способствовать той же цѣли.

Въ каждой наукѣ есть вещи, гдѣ авторъ легко можетъ снизойти къ понятіямъ людей умныхъ, хотя и не ученыхъ; въ такихъ случаяхъ ничто не мѣшаетъ говорить языкомъ общепонятнымъ, или, что называется, *популярнымъ*. Но какъ эта популярность — если захотятъ ее распространить на всѣ сочиненія — неминуемо повлечетъ за собой множество лишнихъ эколичностей и многословіе, которое при малѣйшей непривычкѣ автора къ подобному образу изложенія, лишь пуще затемняетъ уразумѣніе дѣла, то вообще нѣтъ никакой надобности жертвовать краткостью, простотой и выразительностью ученаго языка, бесполезной, въ такихъ случаяхъ, популярностью. Кто ясно обнимаетъ всѣ подробности своего дѣла, кто выше своего предмета, тотъ и ученымъ языкомъ изложитъ его ясно и вразумительно.

Слогъ статей.

Редакція мирится со всякимъ слогомъ статей отъ самаго снатаго до цвѣтистаго; не благоволяетъ особенно къ разсказу простому, сильному, теплomu, живому, выпуклому, остроумному безъ остроумія и бесполезно игривымъ фразъ, предоставляя себѣ неотъемлемое право соблюдать во всей книгѣ единство грамматики, правописанія и, по возможности, ученыхъ терминовъ и выраженій, чтобы читателямъ небыло надобности утомляться въ борьбѣ съ разнословіемъ авторовъ, часто въ одной и той же наукѣ. По нашему, это святая необходимость, а не самоуправство. Во всякомъ случаѣ, и это мы будемъ дѣлать не иначе, какъ советуясь со всеми, въ печатныхъ статьяхъ.

ГЛАВА II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Изложивъ наше мнѣніе, почему словесность должна идти объ руку съ ученостью, и, что, говоря строго, ихъ и раздѣлять нельзя, какъ нельзя раздѣлять: пищи для сердца отъ пищи для ума, образованіе сердца отъ просвѣщенія ума. Эти два — одно. Изыщная словесность въ своей красотѣ и чистотѣ, такъ же даръ Божій, какъ и свѣтъ ума въ истинной учености. Ежели злоупотребленія выражаются въ словесность, то они есть и въ учености: виноваты люди, а не вещи; и мы одну главу книги своей посвящаемъ произведеніямъ словесности, съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣлаемъ справедливо и хорошо, особливо при нынѣшнемъ состояніи и качествѣ просвѣщенія и образованности большинства людей.

Здѣсь будутъ помѣщаться произведенія изыщной словесности всѣхъ родовъ, формъ и содержаній: новѣсть, разсказъ, статьи юмористическія, сатирическія, невыходящія изъ предѣловъ приличія, добраго вкуса, а всего болѣе, доброй цѣли; произведенія драматическія, письма, отрывки изъ романовъ. Лучшимъ украшеніемъ книги будутъ статьи пропитанныя религіознымъ чувствомъ, здоровою, прямо Русскою философіей. Редакція будетъ нѣсколько разборчива въ выборѣ сообщаемыхъ ей статей для этой главы. Отъ изыщнаго искусства она требуетъ произведеній — по возможности — изыщныхъ со всѣхъ сторонъ; чистоты не одной формы, изложенія, слога, но непремѣнно и чистоты матеріала, содержанія, образа мыслей, направленія, теплота, одушевленіе будутъ всегдашними условіями помѣщенія статей. Поле изыщнаго такъ необъятно и такъ обильно прекраснымъ, что крапиву, репейникъ легко можно оставить въ покоѣ. Божій міръ такъ хорошъ, въ человѣкѣ такъ много хорошаго, на человѣка такъ легко дѣйствовать пре-

краснымъ, свѣтлымъ и чистымъ, за одинъ разъ со стороны сердца, ума, воображенія, что гораздо лучше и вѣрнѣе, окрашивать его существо изящными колерами всего прекраснаго, нежели грязнить чѣмъ ни попало; хотя первое и потруднѣе втораго. Но въ трудностяхъ то и выказывается искусство. Объ этомъ еще поговоримъ въ другое время и словомъ и дѣломъ. Недостатка не будетъ въ даровитыхъ писателяхъ раздѣляющихъ это мнѣніе, которые украсятъ наши страницы своими произведеніями.

Что касается до словесности какъ науки въ теорическомъ и историческомъ отношеніяхъ, статьи такого содержанія, принадлежа собственно къ главѣ наукъ, будутъ помѣщаться въ той главѣ.

Что касается до стиховъ, редакція не беретъ на себя повинности въ каждой книжкѣ выставить указное число золотниковъ стихотворной поэзіи и прозы. Если встрѣтятся стихи, которые пошевеливать душу, согрѣютъ сердце, освѣтятъ умъ — съ восторгомъ помѣстимъ и цѣлый пудъ; а при не урожаѣ, и золотника не будетъ.

Вообще же наполненіе перваго и второй главы будетъ завистъ отъ наличія статей намъ сообщенныхъ. Если для главы словесности не будетъ ни одной добротной статьи, тогда какъ глава наукъ, по богатству матеріаловъ можетъ быть удвоена, мы не остановимся ее удвоить, и на оборотъ, сдѣлаемъ тоже съ главою словесности, если, чего впрочемъ быть не можетъ, случится недостатокъ въ статьяхъ ученыхъ; и какъ наше изданіе не срочное, не журналъ, то хотябъ и въ два мѣсяца не набралась одна книжка, мы спѣшить не станемъ. При изобиліи же матеріаловъ, готовы выпустить—сколько успѣемъ, и что сможемъ; не станемъ ни медлить, ни спѣшить. Мы не распространялись много о содержаніи, изложеніи, слогѣ статей, и проч. Предосказанное здѣсь читатели найдутъ отчасти въ статьяхъ; о критикѣ,

искусство читать книги про себя, и въ другихъ послѣдующихъ статьяхъ.

ГЛАВА ІІІ.

МАТЕРІАЛЫ.

Здѣсь помѣстятся все, что можетъ понадобиться, для справки, совѣта, замѣтки; отдѣльныя *свидѣнія*, не вошедшія еще въ составъ *знаній*, и все хотя бы просто любопытное, по не подходящее подъ обѣ первыя главы; частныя открытія, изслѣдованія, новости по наукамъ и по искусствамъ; извлеченія изъ иностранныхъ журналовъ и книгъ; извѣстія и проч. и проч.

Редакція долгомъ поставитъ себѣ предлагать въ каждой книжкѣ, о содержаніи рукописей его полученныхъ, для того, чтобы другіе не теряли времени на обработываніе того же предмета. Время помѣщенія статей въ ближнихъ или отдаленнѣйшихъ книжкахъ, редакторы вполне предоставляютъ своему усмотрѣнію, и будутъ руководствоваться: интересомъ книги, пользой и удовольствіемъ читателей, и тѣмъ условіемъ, чтобы, по возможности, изложеніе наукъ шло ровно; чтобы генеральныя статьи помѣщались прежде частныхъ, чтобы предметъ недовольно развитый въ одной статьѣ, пополнялся, по горячимъ слѣдамъ, другою статьею. Однимъ словомъ редакторы все употребятъ по совѣсти, чтобы отстранить всякія непріятности могущія произойти отъ произвольнаго столкновенія съ авторскимъ самолюбіемъ; но за невозможное не возьмутся отвѣчать, и напередъ просятъ, и ожидаютъ просвѣщеннаго снисхожденія, и нѣкотораго пожертвованія личныхъ требованій, общей пользѣ, и тяжелой обязанности редакторовъ.

Подъ фирмою: *Библиотека избранныхъ книгъ*, редакція будетъ принимать и помѣщать критическія разборы только изъ